

В следующий момент фигура соскользнула с балки перекрытия, оба были одеты одинаково.

Прибывший юноша, лет четырнадцати-пятнадцати, держал в руке грушу, откусил кусок и, опустив взгляд, увидел Пэй Чоу, воскликнув с удивлением:

— Да это же тот самый Пэй...

— Шестнадцатый! — Цинь Сы тихо, но грозно окрикнул его.

Цинь Шилу замолчал и, увидев, что Цинь Янь продолжает двигаться вперёд, словно намереваясь унести этого человека в спальню, растерянно посмотрел на Цинь Сы:

— Четвёртый брат... мы... не вмешаемся?

— Хозяин не знаю сколько выпил, возможно, принял этого парня за... поэтому и принёс его сюда. Когда протрезвеет, сам не знаю как будет жалеть!

Цинь Сы нахмурился и сказал:

— Неси свою службу как положено!

Затем взмыл в воздух и последовал за ними.

Едва Цинь Янь переступил порог спальни, как правое плечо Пэй Чоу онемело.

Кто-то дистанционно разблокировал его акупунктурную точку.

Возможно, оказавшись в самом знакомом месте, Цинь Янь также ослабил хватку, обнимая уже не так сильно.

Хотя это тело и не обучено боевым искусствам, душа внутри него пережила слишком много моментов между жизнью и смертью, так что высвободиться теперь не составляло труда.

Пэй Чоу двинулся по воле мысли, толкнул Цинь Яня в грудь и, используя силу, вырвался из объятий, при приземлении пошатнулся, прежде чем устойчиво встать.

Только теперь он заметил, что глаза Цинь Яня были полны красных прожилок, под ними были тёмные круги, будто он давно не отдыхал нормально. Увидев, что человек выскользнул из его объятий, его выражение лица действительно сложно было назвать приятным. Он сделал несколько шагов вперёд, протянул руку, желая снова притянуть его к себе.

Пэй Чоу как мог ему позволить?

Пэй Чоу заблокировал его руки и громко сказал:

— Генерал Цинь! Великий генерал Цинь! Взгляни хорошенько, кто я! Ты ошибся человеком!

Эти слова, неизвестно чем, заделали его. Видно было, как задрожали ресницы Цинь Яня, румянец на лице быстро спал, губы также потеряли цвет, лицо стало смертельно бледным. Он изо всех сил покачал головой, словно пытаясь прийти в себя.

Взгляд Цинь Яня несколько раз скользнул по лицу Пэй Чоу, он закрыл глаза, выражение его лица казалось несколько страдальческим. Он открыл рот, желая что-то сказать, но в итоге молча вышел.

Человек ушёл, Пэй Чоу должен бы радоваться, однако, впервые увидев такое выражение лица у Цинь Яня, он почему-то почувствовал в душе некоторое смятение.

Он встряхнул головой, подавив эти странные мысли, вышел из спальни Цинь Яня и увидел, что справа из-под карниза к нему идёт человек.

Пэй Чоу почтительно поклонился.

— Только что это вы помогли мне выйти из затруднительного положения? Прошу вас, доведите дело до конца, укажите дорогу.

Едва он закончил говорить, как Цинь Шилю, с персиком во рту и руками, заложенными за голову, медленно подошёл. Сначала он посмотрел на Цинь Сы, затем взгляд его упал на лицо Пэй Чоу, и он звонко произнёс:

— Твой министр пришёл к воротам требовать человека!

Пэй Чоу только что обогнул экранную стену, как заметил малиновую фигуру. Судя по всему, тот даже не успел сменить служебный халат, его сразу призвали на помощь.

Пэй Чоу не знал, плакать или смеяться, до чего же довели его эти негодные друзья.

Впрочем, кроме Чжан Хэншуй, похоже, не нашлось бы никого, кто осмелился бы прийти в резиденцию герцога требовать человека, кто осмелился бы требовать его, Пэй Сяошаня.

В сердце Пэй Чоу потеплело, и он поспешил навстречу.

Чжан Хэншуй ухватился за человека и принялся подробно расспрашивать. Пэй Чоу, уклоняясь от главного и останавливаясь на второстепенном, сказал, что всё это — недоразумение, генерал Минвэй принял его за другого, а когда протрезвел, велел проводить его самым почтительным образом.

Чжан Хэншуй, что было для него редкостью, принял серьёзный вид, тщательно осмотрел Пэй Чоу с ног до головы и, увидев, что кроме растрёпанных волос и воротника одежды, никаких повреждений нет, да и Цинь Сы сбоку пояснил несколько слов, поверил в большую часть сказанного. Попросив передать приветствие герцогу Динго, он спокойно повёл своего драгоценного ученика за руку и удалился.

В темноте пара глаз впитала каждое слово и каждое действие двоих.

Его взгляд плотно прилип к Пэй Чоу, внимательно рассматривая.

Это лицо на самом деле не так уж похоже.

Он никогда ни с кем не был столь близок, ко всем относился с холодной отстранённостью.

И редко когда так широко улыбался, особенно ему — всегда та стандартная фальшивая улыбка.

Нет, не так.

Цинь Янь раздражённо схватился за волосы, развернулся и ушёл, направившись напрямиком в кабинет.

На самом краю третьего яруса книжных полок стояла изысканно украшенная шкатулка. Цинь

Янь осторожно открыл её — внутри лежала лишь одна вещь.

Цинь Янь бережно взял её в руки, словно сквозь неё видел кого-то, взгляд его был полон бесконечной привязанности.

Это была бумажная вертушка, годы взяли своё, бумага уже пожелтела.

Цинь Шилю, скрестив ноги на перекладине, висел вниз головой на балке и отчаянно махал Цинь Сы.

Цинь Сы беспомощно поднял голову, чтобы посмотреть.

Между личными гвардейцами семьи Цинь существовал свой тайный язык, обычно при выполнении заданий, когда говорить было неудобно, они общались жестами.

Этот парень, боясь, что хозяин заметит, использовал тайные знаки, чтобы поболтать с ним о сплетнях.

Цинь Шилю:

— Что в этой дурацкой вертушке такого особенного? Хозяин то и дело достаёт её, чтобы посмотреть, и смотрит чуть ли не до полуночи!

Цинь Сы закатил глаза:

— О том, чего не следует знать, поменьше спрашивай.

Цинь Шилю:

— Нельзя так говорить! Когда тот человек только умер... в самые подавленные дни хозяина, это я приложил невероятные усилия, чтобы хозяин снова воспрянул духом!

Цинь Сы снова закатил глаза:

— С помощью той толпы подозреваемых в убийстве, что ты нашёл? Ни один не подошёл! После каждой проверки хозяину становилось только хуже!

Цинь Шилю:

— Но это всё равно лучше, чем целыми днями сидеть в комнате и глушить вино в одиночестве!

Цинь Сы:

— Смотри, как бы хозяин однажды не очнулся и как следует тебя не проучил!

Цинь Шилю ещё хотел что-то сказать, но Цинь Сы сделал жест, веля ему заткнуться.

В тот же миг из комнаты раздался безэмоциональный голос Цинь Яня:

— Вы двое насмотрелись? Если насмотрелись, катитесь проверять для меня кое-что.

Вернувшись, Пэй Чоу размышлял взад-вперёд, снова и снова анализируя намерения Цинь Яня в тот день.

Если тот принял его за прежнего Пэй Чоу, то должен был убить его на месте, а не устраивать

такой большой крюк, таща его в резиденцию герцога, да ещё и ничего не сделал.

Однако, если бы тогда ему не удалось случайно заставить Цинь Яня очнуться, что бы тот сделал потом?

Вспомнив некоторые нелепые истории, слышанные ранее от негодных друзей, Пэй Чоу вдруг почувствовал, как по коже пробежали мурашки, рука, кормившая рыб, дрогнула, и весь корм высыпался, вызвав свалку рыб, рвущихся к еде.

Зачем он вообще об этом думает?

Пэй Чоу покачал головой, грациозно вошёл в комнату и сказал:

— Цао Цзыхуа, я только что переборщил с рыбьим кормом, сегодня больше не корми.

Не сумев разгадать намерения Цинь Яня, Пэй Чоу в итоге списал всё на то, что тот перебрал и буйствовал в пьяном угаре.

Маленькая жизнь в Министерстве церемоний текла своим чередом.

Снаружи же было не совсем спокойно.

Весть о том, как генерал Минвэй посреди улицы похитил ланчжуна Министерства церемоний Пэй Сяошаня, разлетелась мгновенно, облетев весь Ханьцзин. Большинство придерживалось единого мнения: Цинь Хэчжоу выкорчёвывает с корнем, убил первого министра, и даже его дальнему двоюродному племяннику нет пощады. А очень небольшая часть людей утверждала, что генерал Минвэй приглянулся тот Пэй Сяошань, забрал его домой, запер и так далее. Сторонники последней точки зрения становились всё громче, начав даже спорить о том, кто сверху.

Лишь после того, как министр церемоний лично явился в резиденцию генерала и забрал человека обратно, эти нелепые слухи поутихли.

Любители зрелищ видели, как в тот день ланчжун Пэй вышел из главных ворот резиденции генерала, бледный как полотно, с потерянным видом, и с тех пор на Цинь Яне прочно закрепились ярлыки: склонен к мучениям, жестокие методы, потрясающе чудовищный и тому подобные.

И вот в этот день на столе императора Цзинфэна среди меморандумов, обличающих Цинь Яня, появилась свежая причина: убийство с целью захвата родственника, безумное злодейство.

Император Цзинфэн несколько раз мысленно прокрутил эти восемь иероглифов, устало отложил меморандум и потер переносицу.

Внутренний слуга Чжан Дэфу поспешил поднести чашку чая.

— Как думаешь, дело первого министра Пэй действительно связано с тем парнем из семьи Цинь?

Чжан Дэфу опустил взгляд и брови:

— Ответствуя Вашему Величеству, истина и справедливость расследуются Палатой Дали, раб не смеет говорить лишнего.

Династия Даюань строго остерегалась бедствий от евнухов предыдущих династий. Император Цзинфэн, взойдя на престол, строго изменил законы, лишив евнухов всей власти, с тех пор евнухи Даюань стали настоящими рабами императорской семьи.

Чжан Дэфу был старым слугой, служившим трём поколениям семьи Лю. Император Цзинфэн в детстве не пользовался благосклонностью, вырос в холодном дворце, и именно Чжан Дэфу неизменно растил его. Император Цзинфэн относился к нему куда более тепло, чем к обычным внутренним слугам.

— Не стесняйся, я хочу услышать твои мысли.

<http://bllate.org/book/15464/1368169>